

2 2 : 0 4

BEN LERNER

10:04

Б Е Ч Л Е Р Ч Е Р

2 2 : 0 4

РОМАН
ГОТТИ

Перевод с английского

Леонида Мотылева

издательство

ACT

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Л49

This edition is published by arrangement with AITKEN ALEXANDER ASSOCIATES LTD. and THE VAN LEAR AGENCY LLC

В книгу не вошли некоторые иллюстрации из оригинального издания.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Лернер, Бен.

Л49 22:04 : роман / БЕН ЛЕРНЕР ; пер. с англ. Л. МОТЫЛЕВА. — Москва: АСТ: CORPUS, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-17-087091-2

Тридцатипятилетний Бен Лернер — один из самых интересных молодых писателей США. Три его поэтических сборника удостоены престижных премий, а первый роман признан лучшей книгой года многими авторитетными журналами. Действие его второго романа “22:04” происходит в сотрясаемом ураганами Нью-Йорке. Начинающий писатель почти одновременно узнаёт о головокружительном успехе своей книги, о нависшей над ним опасности смертельного наследственного заболевания и о желании подруги зачать с его помощью ребенка путем искусственного осеменения. Угроза внезапной смерти в сочетании с перспективой отцовства обостряет его восприятие жизни. На фоне повседневных личных мини-кризисов и большого общего кризиса его жизни, в постоянной переключке с фильмом “Назад в будущее”, он начинает по-иному воспринимать происходящее и представлять себе некий грядущий мир, где все будет почти так же, как в мире нашем, только чуть-чуть по-другому.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-087091-2

- © Ben Lerner, 2014
- © Л. Мотылев, перевод на русский язык, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

89

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

121

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

233

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

283

ОТ АВТОРА

349

Хасиды рассказывают историю о грядущем мире, которая гласит, что все там будет таким же, как здесь. Такая же комната, как у нас теперь; где спит сейчас наш ребенок, он будет спать и в грядущем мире. Одежду, которую мы носим здесь, мы будем носить и там. Все будет как сейчас, только чуть-чуть по-другому.

Часть первая

Город переделал участок железнодорожной эстакады в прогулочную аллею, и мы с литагентшей шли по ней на юг в теплую не по сезону погоду после возмутительно дорогой трапезы в Челси¹ в честь нашего успеха; в числе блюд были маленькие осьминоги, которых шеф-повар в прямом смысле замассировал до смерти. Мы брали в рот вероятно нежные существа целиком; я никогда раньше не ел чью-то голову как она есть, тем более голову морского животного, украшающего свою норку и играющего в сложные игры. Теперь мы двигались на юг вдоль тускло поблескивающих неиспользуемых рельсов мимо аккуратных насаждений — сумах, скумпия, — пока не дошли до того участка Хайлайна², где сквозь проем в дорожном полотне можно спуститься по деревянной лестнице на нижние уровни, самый нижний из которых, снабженный вертикальными окнами, — своего рода амфитеатр над Десятой авеню, где можно сидеть и смотреть

- 1 Челси — район на Нижнем Манхэттене в Нью-Йорке. (*Здесь и далее — прим. перев.*)
- 2 Хайлайн — прогулочная аллея на Манхэттене на месте надземной железной дороги.

на поток транспорта. Мы сели там, стали смотреть на поток транспорта, и я шучу и не шучу, когда говорю, что смутно ощутил в себе некий чужой разум, почувствовал, что на меня воздействует изнутри череда образов, ощущений, воспоминаний и эмоций, не принадлежащих, собственно говоря, мне. Способность распознавать поляризацию света; вкус вместе с осознанием при втирании соли в присоски; ужас, который сосредоточился в конечностях, полностью минуя мозг. Я принялся объяснять все это литагентше, которая вдыхала и выдыхала дым, и мы оба посмеялись.

Несколькими месяцами раньше она сообщила мне по электронной почте, что я, вполне возможно, смогу получить “внушительный шестизначный аванс” на книгу, основанную на рассказе, который вышел у меня в “Нью-Йоркере”; все, что я должен сделать, — это обязаться превратить рассказ в роман. Я сумел накатать серьезное, хоть и расплывчатое, предложение, и вскоре между крупными нью-йоркскими издательствами раскрутился самый настоящий аукцион, после чего мы с ней и отведали головоногих, разыгрывая сцену, которой предстояло стать в романе первой.

— Как именно вы намерены развить тему рассказа? — спросила она, высчитывая чаевые и поэтому устремив взгляд в пространство.

“Я перенесусь в будущее, в несколько будущих одновременно, — следовало мне сказать. — Мои руки слегка дрожат; я проложу себе путь от иронии

к искренности в городе, которому грозит затопление, этакий Уитмен хрупкой энергосистемы”.

На стене медицинского кабинета, куда меня в прошлом сентябре направили на обследование, был изображен огромный осьминог — и не только он, но еще и морские звезды и всякая жабродышащая живность, — потому что это было детское отделение и изображение подводного мира должно было успокаивать маленьких пациентов и отвлекать их внимание от врачебных игл и молоточков. Я оказался здесь в тридцать три года: врач случайно обнаружил у меня совершенно бессимптомное, но чреватое аневризмой расширение корня аорты, требующее пристального наблюдения и, весьма возможно, хирургического вмешательства; наиболее вероятная причина в таком возрасте — синдром Марфана, наследственная патология соединительной ткани, которая проявляется, помимо прочего, в удлинении конечностей и гипермобильности суставов. Когда кардиолог предложил мне пройти обследование, я заметил ему, что жировая клетчатка у меня имеется даже в избытке, длина рук нормальная, рост лишь немного выше среднего; но он в ответ указал на мои длинные тонкие пальцы ног и несколько повышенную гибкость суставов и заявил, что я вполне могу удовлетворять диагностическим критериям. Большинство страдающих этим заболеванием получают диагноз в раннем возрасте, потому я и оказался в детском отделении.

У людей с синдромом Марфана, объяснил мне кардиолог, порог хирургического вмешательства ниже стандартного и достигается, когда диаметр корня аорты составляет 4,5 см (у меня, по данным МРТ, — 4,2 см, то есть довольно близко): дело в том, что при этом синдроме повышен риск так называемой диссекции — расслоения аорты с весьма вероятным смертельным исходом. Если наследственного заболевания у меня нет, если расширение корня моей аорты будет признано идиопатическим, мне все равно рано или поздно может понадобиться операция, но тогда пороговый диаметр — 5 см и приближение к нему, скорее всего, будет гораздо более медленным. Так или иначе, я был теперь отягощен сознанием статистически значимой возможности того, что самая большая моя артерия в любой момент может лопнуть; я представлял себе это событие — наверняка неверно — как аварийное полоскание шланга для заливки цементного раствора, шланга, из которого хлещет не раствор, а моя кровь; перед потерей сознания взгляд мой устремляется в пространство, как будто... и так далее.

И вот я сидел под водой в больнице Маунт-Синай на красном пластмассовом стульчике для дошкольников, который мгновенно заставил меня почувствовать себя неловко в бумажном медицинском халате, почувствовать себя непомерно долговязым, подтверждающим тем самым диагноз еще до прихода специалистов. Алекс, сопровождавшая меня ради того, что называла моральной поддержкой,

но на самом деле было поддержкой практической, ибо я, покинув кабинет любого врача, не могу вспомнить даже самого главного из сообщенной мне там информации, сидела напротив меня на единственном взрослом стуле, навверняка предназначенном для отца или матери, с открытым блокнотом на коленях.

Мне заранее было сказано, что обследование проведут три врача, которые потом посоветуются и вынесут заключение — я думал о нем как о вердикте, — но к двум обстоятельствам, касающимся врачей, входивших сейчас в кабинет с лучезарными улыбками, я не был подготовлен: к тому, что они — красивые женщины, и к тому, что они моложе меня. Я был рад, что Алекс находится здесь, поскольку иначе она не поверила бы, что сами врачи — они все явно происходили из Азии — отличаются идеальным сложением, которого не скрывают их белые халаты, что их идеально симметричные скуластые лица даже в тускло-золотистом больничном свете сияют — несомненно благодаря умелому наложению косметики — почти пародийным здоровьем. Я взглянул на Алекс; она, посмотрев на меня, вскинула брови.

Они попросили меня встать и принялись измерять длину моих рук, кривизну груди и позвоночника, сводчатость стоп; этих измерений в рамках некой неизвестной мне нозологической программы оказалось столько, что я почувствовал себя многоруким и многоногим. То, что они были моложе меня,